

НАША СТРАНА

ОСНОВАНА И. Л. СОЛОНЕВИЧЕМ
“НUESTRO PAIS”
 SEMANARIO MONARQUICO RUSO
 Registro Nacional de Propiedad Intelectual N° 523.142

FRANQUEO PAGADO
 Concesión N° 3930

INTERES GENERAL
 Concesión N° 4233

Correo
 Central B.
 Argentina

Editor-Director
 VSEVOLOD DUBROWSKY

Casilla de Correo 2847

Buenos Aires

Argentina

АÑO IX Buenos Aires, Jueves, 28 de Marzo de 1957

Буэнос Айрес, четверг, 28 марта 1957 г.

№ 375

Н. Кусаков

Ошибки венгерского освободительного восстания

События освободительного восстания в Венгрии отошли в область истории. Восстание подавлено, и кровавая расправа с его героическими участниками близится к концу. Несмотря на явность факта поражения, иностранные газеты, доброжелательные к восставшим, уже много раз обещали возобновление освободительной борьбы. Малейшие передвижения армии СССР, как они называют — Русской армии, принимаются за симптом нарастания освободительных сил. Выводятся обнадеживающие прогнозы. Но такие прогнозы пестрят по газетам с декабря 1956 года и долго еще они будут вводить в заблуждение простодушных читателей. Коммунистический режим не дремлет и не допускает нового восстания.

“Лучше оправдать десять виновных, чем одного невинного казнить” — говорило правосудие Императорской России. Коммунизм мыслит и действует иначе: “Лучше казнить сто подозреваемых и в том числе сто невинных, чем пропустить одного настоящего виновника”. — говорит практика органов диктатуры пролетариата. Эта обстановка теперь царит и в Венгрии, давая ясно понять, что вооруженное восстание там может повториться только тогда, когда (или — если) возникнет вооруженное столкновение свободного демократического мира с миром коммунистическим, держащим под своим ярмом страны от Эльбы до Тихого океана.

Венгерское восстание имеет несколько сторон своих итогов, своих результатов, и пришло время рассмотреть прощедшие полгода тому назад события с целью выяснить ошибки восстания.

Коснемся прежде итогов восстания. Первым из них является потеря доверия, которое венгерский народ имел все основания питать к западному демократическому миру, рассчитывая получить помощь в своей борьбе за свободу и право. В самом деле, разве не радиостанция “Освобождение” подбадривала подавленный коммунистическим режимом венгерский народ к борьбе за освобождение? Пусть радио-волны со станции “Освобождение” и не призывали прямо к оружию, но они неизменно вдохновляли на борьбу и, тем самым, давали надежду получить поддержку. Этого мало. Не летали разве над Венгрией баллоны, несомые западным ветром? А листовки, падавшие из этих баллонов, едва ли говорили о пользе коммунизма... Но ни помощи, ни поддержки венгерскому восстанию со стороны Запада оказано не было. Единственно, кто оказал помощь восставшим в борьбе за свою свободу венгерцам, были русские солдаты из армии СССР. Они дали им оружие, а многие из них стали в ряды борцов за свободу.

Итог разрушений не имеет решающего значения, так как фабрики, дома и т. п. сооружения легко восстанавливаются, чему порукой Западная Германия. Быть может, стоит пожалеть о гибели некоторых культурных ценностей, но мало ли их вообще погибло в ходе истории человечества, причем их гибель не имела существенного значения для истории будущих веков. Не жаль картин, коллекций, художественных статуи и т. п., когда приходится оплакивать тысячи человеческих жизней, когда приходится оплакивать поражение.

Есть люди, видящие положительный результат венгерского восстания в том, что в событиях подавления восстания коммунизм, и в частности Советский Союз, предстали перед лицом свободного мира без маски, без лайковых перчаток, в полной обнаженности сво-

ей злобы и преступной отвратительности. Коммунизм, де, теперь себя окончательно показал!

Но разве ему в первый раз себя показывать? Разве он не показал себя во всей своей отвратительности зверским актом убийства Русского Царя и Его Семьи, включая Детей? Разве до сих пор миру не были известны бесчисленные злодеяния коммунистического режима, проводимые ради так называемого социалистического эксперимента? Ну вот... теперь посмотрели еще и Венгрию. Но что же это дало?

Мы будем рады ошибиться, но, глядя на опыт прошлого, естественно думать, что, как бы резкими ни были отрицательные настроения по отношению к коммунизму и к СССР, они были только мимолетным взрывом настроений общественного мнения, столь склонного к вариациям и переходом от симпатий к антипатиям и обратно. Не забудутся ли окончательно эти настроения раньше, чем они смогут принести свой положительный результат делу борьбы с коммунизмом? Спрашивается: каков положительный итог этих антикоммунистических настроений? Кроме нескольких скандалов вокруг посольства СССР здесь и там, не произошло решительно ничего. Посольства по требовали починки выбитых стекол, а икру и водку, приготовленные в октябре 1956 года для угощения приглашенных, но демонстративно не пришедших дипломатических гостей, сложили на будущий год. Пригодится! Гости придут!

Покой царит и не только в посольствах СССР, переживших, правда, несколько неприятных минут в октябре 1956 года. В полном покое функционируют посольства того самого Венгерского коммунистического правительства, которое, под всемирный гром протестов народных митингов, подавляло и пригласило СССР подавить контрреволюционное восстание в Венгрии, которое сейчас производит кровавую расправу над участниками восстания. В посольствах Красной Венгрии даже и стекол никто не бил, и Красная Венгрия продолжает занимать свое место в Объединенных Нациях. Едва ли мы ошибемся, говоря, что — все забудется, как все забылось в отношении к СССР, который когда-то, еще до Генуэзской конференции, считалось неприличным пускать к себе на порог. Было, да и былшем поросло.

Правда, в конце февраля, 1957 года Дж. Ф. Даллес заявил, что “с момента возникновения восстания в Венгрии, наблюдается тенденция еще более ограничить торговлю между свободными странами Запада и Советским Союзом”. Но едва ли этот факт стоит считать значительным, поскольку речь идет о борьбе против коммунистического режима вообще и в Венгрии в частности. Понимание сущности коммунистического режима попрежнему далеко от свободного демократического мира.

Влиятельный богослов германского мира, Карл Барт, на вопрос о том, хорошо ли сотрудничать с коммунистическим правительством, ответил: “Мы никогда не увидим государства ни в его чистой форме следования Богу, ни в его полной дьявольской испорченности. Это две границы, между которыми идет история”. Т. е. коммунистические правительства рассматриваются, как такие, которые если и не хороши, то во всяком случае, стоят в пределах того, что и до сих пор было обычно в истории. И даже тогда, когда коммунистический режим в Венгрии и в СССР

себя вполне выявил, как полная дьявольская испорченность, его все же продолжают рассматривать, как нечто, допустимое в пределах исторической нормы. Суждения свободного мира все еще топчутся вокруг несуществующего вопроса о противоречии Запада и Востока, все еще пахотятся охотники рассматривать ужасы Венгрии с точки зрения “действия русского империализма”. Этот бред так далеко проник в психику европейца, что и сами восставшие венгерцы не чуяли дьявольской испорченности Венгерского коммунистического правительства, и, несомненно, многие из них мнили себя борцами против России и русских. И это было роковой ошибкой венгерского восстания.

Конечно, венгерское освободительное восстание было подавлено силой оружия армии СССР, но разве вся венгерская армия стала на сторону восставших? Верные коммунизму остались на стороне коммунистов.

Героическая борьба венгерцев за свое освобождение захлебнулась в крови. Вечная память борцам против коммунизма! Мир их праху! Да послужит пролитая ими кровь залогом их вечно-го спасения!

Ошибка венгерского освободительного восстания относится к разряду политических и, как таковая имеет коренное значение. Она состоит в том, что восставшие продолжали признавать коммунистическое правительство Венгрии, как правоспособное, как легальное правительство страны. Именно поэтому, иностранная печать, несмотря на сочувствие к восставшим, именовала их “мятежниками”, а само восстание “мятежом”. Именно поэтому, значительная часть венгерской армии осталась верна Кадару, а ненавистная АВО, эта венгерская ЧеКа, не развеялась, как нечистый призрак при пении петуха.

У деятелей освободительного восстания не было ясного сознания, что, стоя против коммунистического правительства, они имеют дело с людьми, стоящими у государственной власти вопреки закону, вопреки воле народа и во имя целей антинародных; что правительство это опирается не на русский штык, но на штык интернационального коммунизма. Восставшие не были чужды ложного представления, якобы вся беда Венгрии произошла от господства русских, и они не понимали до конца того, что причиной бедствия страны является власть коммунистов к какой-бы национальности они не принадлежали. Не было у них и сознания необходимости противопоставить коммунистическому правительству — прави-

В НОМЕРЕ:

Н. Кусаков
 ОШИБКИ ВЕНГЕРСКОГО
 ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО
 ВОССТАНИЯ

Н. Потоцкий
 ОБЗОР ПЕЧАТИ

Борис Ширяев
 ЗАМОЛЧЕННЫЙ ИСТОРИЕЙ

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА

А. Арсеньев
 ГЕРОИ НАШЕГО БЕЗВРЕМЬЯ

REBELION EN POZNAN

тельство антикоммунистическое, национальное, народное, действующее не во имя интернационального коммунизма, но во имя блага Венгрии.

Если бы этой ошибки не было сделано, то в ходе событий смешались бы все карты, восставшие приобрели бы необычайной силы козырь, который и сегодня, даже через полгода после поражения, имел бы большую силу. Возможно даже, что козырь этот настолько перевернул бы всю картину, что там, где сегодня ветер вздымает прах поражения, высылось бы величествен-

К О Н Ч И Н А ВЕЛИКОЙ КНЯГИНИ ЕЛЕНЫ ВЛАДИМИРОВНЫ

Нам пишут из Афин:

Ее Императорское и Королевское Высочество Великая Княгиня Елена Владимировна, вдова покойного Принца Николая Эллинского и Датского, скончалась в своем доме, в Афинах, 14-го марта 1957 года.

Покойная Великая Княгиня была дочерью Великого Князя Владимира Александровича и его супруги, Великой Княгини Марии Павловны. Она, следовательно, приходилась внучкой Царю-Освободителю и теткой Главе Российского Императорского Дома, Великому Князю Владимиру Кирилловичу. Незадолго до ее кончины Великой Княгине исполнилось 75 лет. Она скончалась от болезни сердца.

Смерть Великой Княгини наступила в присутствии Королевы Эллинов Фредерики и обеих дочерей покойной — герцогини Марины Кентской и принцессы Ольги Югославянской.

ОТДЕЛ НАРОДНО-МОНАРХИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ в Сан-Франциско (Калифорния) глубоко скорбит о тяжелой утрате своего духовного наставника

протопресвитера
 О. ПАВЛА КАЛИНОВИЧА

и выражает сердечное соболезнование семье покойного.

13 марта с. г. был сбит автомобилем и через час скончался член Правления Союза Российских Антикоммунистов

ВАСИЛИЙ АКИМОВИЧ

Х А Р Л А М О В

о чем сообщает Правление Союза Российских Антикоммунистов, выражая свое глубокое соболезнование семье покойного.

ное здание победы, здание свободной Венгрии.

Восстание в Венгрии все время проходило под знаком признания Красного правительства. К нему предъявлялись требования. А ведь акт предъявления требований есть акт признания законности власти того, к кому они предъявляются. Восставшие были готовы принять от Красного правительства то, чего они хотели. В то же время они думали, что от удаления русских венгерские коммунисты станут лучше. Здесь сыграл роль недостаток политического опыта; сыграло свою печальную роль и знаменитое смещение понятий России и СССР. У ведущих деятелей венгерского освободительного восстания отсутствовало понимание того, что ни одно коммунистическое правительство, никогда, ни при каких условиях, не сделает уступки, которая может быть ему в ущерб. В Венгрии в октябре 1956 года было в наличии сознание, что с коммунистическим правительством можно говорить языком права, языком закона, отлагая право сильного; не было сознания, что единственные слова, с которыми можно и нужно обращаться к коммунистическому правительству звучат коротко и ясно: "Уходите!"

С первыми событиями восстания, коммунистическое правительство Венгрии оказалось в малой лодочке, плывущей по бурным волнам. Но никто не позаботился вытолкнуть его из лодки в воду, и оно в лодке доплыло до корабля своего спасения, которым был, разумеется, коммунистический СССР.

Не было понято то, что Красному венгерскому правительству предъявлялись требования невыполнимые. Коснемся одного из них, не говоря о невыполнимости требования о выводе армии СССР.

Восставший в борьбе за свободу венгерский народ требовал от своего коммунистического правительства диктатуры АВО, этой венгерской ЧеКп. Не было понято, что требование это может быть приведено в исполнение только после свержения коммунистического правительства, ибо последнее от АВО неотделимо. Органы государственной безопасности, в той форме жестокости и произвола, которую они имеют во всех коммунистических государствах, являются, по учению Карла Маркса, непременным орудием для осуществления социализма и коммунизма. Это есть орган диктатуры пролетариата, учение о которой есть краеугольный камень коммунистической доктрины. Без диктатуры пролетариата нет коммунизма, без органов ЧК - ГПУ - НКВД - МВД, как они именуется порусски, без АВО, как оно именуется по-венгерски, диктатура пролетариата невыполнима. Предъявить коммунистическому правительству требование о роспуске АВО равносильно тому, как если бы кто пришел к нежелательному лицу, потребовал от него немедленно акта самоубийства и тут же положил перед ним заряженный пистолет. Не ясно ли, как употребит заряженный пистолет это нежелательное лицо?

Вместо того, чтобы полностью и немедленно упразднить правительство, созданное противозаконно, искусственно и насильственно красной рукой, восставшая в борьбе за свою свободу Венгрия готова была удовлетвориться его изменением. Ждали, что "правый коммунист" Имре Надж может быть хорошим правителем, особенно если не будет русских. Ради выигрыша времени Наджо было позволено посулить восставшим исполнение их требований. Сделали даже вид, что обещание приводится в исполнение, а в это время восставшие ждали и надеялись. Почему ждали? Потому, что не отказали в признании коммунистам, как законному правительству. В стране, охваченной пламенем гражданской войны, установилась обстановка сосуществования антикоммунистического народа с коммунистическим правительством. Это могло иметь только один исход: победу коммунизма. В атмосфере послабления, народ бросился свертывать статуи Сталина и срывать красные флаги, вместо того, чтобы свергнуть тех, кто водрузил эти статуи и эти флаги; начал расправляться с чинами АВО, не расправившись сначала с Красным правительством, которое это АВО организовало и всегда было в силах его восстановить. И, как сказано раньше, коммунисты сумели из лодки, готовой вот-вот потонуть, перебраться в корабль

своего спасения — СССР. Занавес опустился тогда, когда, фигурально выражаясь, на советском танке в Будапешт въехал кровавый Янош Кадар.

Казалось бы такое нарушение обещаний, как ввод войск СССР после обещания вывести их и после их фактического вывода (хотя вывод был только маневром замены неблагонадежных войск более проверенными), уже давало венгерским повстанцам основание потерять надежду сговориться с Красным венгерским правительством, отказать ему в признании. Но и тут этого не произошло. Восставшие продолжали признавать коммунистическое правительство. Акт признания осуществлялся и дальше не только предъявлением требований и готовностью принять обещания или исполнением требований, но пошло дальше. Военные руководители восставшего народа, во главе с генералом Малетером, нашли возможным пойти на парламентские переговоры с коммунистами.

Эта трагическая ошибка стоила командирам вооруженных сил восстания сначала свободы, а в дальнейшем будет им стоить жизни. Надменно нарушая традиции чести, коммунисты арестовали генерала Малетера и всю группу парламентариев. Живы ли они еще, или уже погибли в застенках того самого АВО, упразднения которого они требовали от коммунистов во время парламентских переговоров? Ждали от коммунистов чести?.. Напрасное ожидание. Коммунизм признает только право силы! Но откуда же такое доверие? Очевидно, все от той же причины: венгерскому коммунистическому правительству, организованному насильственно и противозаконно красной рукой, не было отказано в юридическом признании.

Дальнейшее не заставило себя ждать. Восстание было подавлено фактически прежде, чем оно успело стать восстанием и все еще продолжало быть в форме возмущения.

Что же должно было быть сделано?

Освободительное движение началось брожением по поводу требований, предъявленных к коммунистическому правительству. Увидев общенародную поддержку такому настроению, люди, способные возглавить его, должны были предусмотреть, что требования эти могут быть удовлетворены только после свержения коммунистического правительства, только после того, как государственная власть в стране будет находиться безраздельно в руках освободительных сил. Увидев за собою не только общенародную поддержку, но и поддержку Советской армии (а она была налицо и имела способность разгромить), они не должны были ждать новых законов и обещаний от коммунистов, но объявить себя законодательной властью в стране. На какое-то время это поставило бы страну перед фактом двоевластия, но было ясно — чью сторону возьмет народ. На призыв нового законодательного органа откликнулась бы и венгерская армия, находящаяся под красным командованием. Ей было бы куда переходить.

Вслед за этим борьба перешла бы уже из плоскости борьбы за правовые нормы в плоскость борьбы за власть, во имя возможности проведения в жизнь этих правовых норм. Факты показывают, что венгерская армия и русские солдаты из Советской армии поддержали бы освободительную группу в ее борьбе за власть. История прошлого октября в Венгрии говорит, что венгерский народ готов был на подвиг свержения власти коммунистов, и некоторое время, быть может, лишь несколько дней, но дней решающих, физическая сила была на стороне восставших. Налицо были все основания привести борьбу за права народа к самому важному акту: к провозглашению Антикоммунистического Правительства Освобожденной Венгрии. Немедленные законодательные меры нового Правительства смешали бы карты коммунистов в невероятной степени, чем они были смешаны восставшим народом, все еще признававшим красное правительство Венгрии.

Мало того. Если бы эта мера была осуществлена, и освободительные силы Венгрии заявили бы себя ее правительством, возникло бы положение, которое коснулось бы и других стран демократического мира. Им едва ли удалось бы избежать необходимости признать это освободительное правительство. Да же опытные в умывании рук Пилаты

должны бы были долго подумать, прежде чем умыть руки в этот раз? Можно ли отказать в немедленном признании тому правительству Венгрии, за которым в кровавой героической борьбе стоит весь венгерский народ, пользующийся бурным сочувствием всего свободного мира.

О результатах, которые последовали бы в случае признания свободным миром правительства Освобожденной Венгрии, не стоит говорить. Но ясно, что это было бы грандиозной силой козырем в руках венгерского народа, восставшего в борьбе за свою свободу, за свои права.

Но этого сделано не было, и это было грандиозной политической ошибкой венгерского освободительного восстания. Коренится она в представлении, что коммунистическая власть в какой-либо стране может быть рассматриваемой, как законная и юридически правоспособная, и в смешении понятий России и СССР.

Эту ошибку должны учесть все, кто мыслит о необходимости освобождения народов и стран, подавленных коммунистическим ярмом. Надо помнить, что для того, чтобы свергнуть идолов коммунизма, для того чтобы избавиться от красного террора и красного произвола, надо свергнуть тех, кто этих идолов поставил. Надо знать, что эти люди не знают чести. Всякие переговоры с коммунистическим миром есть акт по мощи им, акт подрыва мощи освободительных сил. Надо, наконец, помнить, что смешение понятий России и СССР влечет к роковым последствиям.

Возможно, что прекрасномысленные наблюдатели с упреком укажут нам на пример Польши и скажут, что там, где народу удалось отвоевать у коммунистического правительства некоторые льготы, что Познанское восстание и иные волнения вынудили у коммунистов уступки. И что самое важное достижение это — вытеснение русских. Значит, мол, скажут нам, можно и дальше идти уступок добиться и жить в мире с коммунистическим правительством. Таким наблюдателям мы ответим русской поговоркой: "Кириллин день еще не миновал!"

Нет никаких оснований ждать, чтобы коммунисты стали искренно и честно проводить меры и законы, ослабляющие красный режим, и надо твердо помнить, что всякий посул, даже всякое отступление коммунизма, есть Троянский конь, есть дар Данайцев, есть подготовка удара кинжалом в спину народа.

Мы говорим так не без исторического основания. В двадцатых годах повсеместное восстание русской деревни, кульминацией которого было знаменитое Тамбовское восстание, (а оно охватило территорию, большую, нежели вся Венгрия), вырвало у коммунистического правительства уступки, так называемой Новой Экономической Политики — НЭП. Результатом этих уступок было усиление антикоммунистических настроений, господствовавших в массах русского народа, и укрепление Советской власти. В результате последнего, дело пришлось к тому, что невозможным сделалось не только восстание, но даже выражение протеста против мер намного более жестоких и бесчеловечных, нежели те, что вызвали восстания двадцатых годов. Русское крестьянство терпит муку раскулачивания и муку коллективизации потому, что в двадцатых годах оно не довело восстания до конца, потому, что оно тогда признало Советскую власть, нашло возможным из ее незаконных рук принять экономические уступки.

Так и нынче в Польше. Гомулкин день еще не миновал. Если он хороший человек, его уберут. Если он хороший коммунист, он себя покажет и без помощи русских. Тогда уже будет не до Познанского восстания. Будет поздно. И, судя по тому, что Гомулка поздравляет венгерцев с ликвидацией контрреволюционного восстания октября 1956 года, можно понимать, что примирившись с Гомулкой, поляки только еще крепче навязали себе на шею ярмо коммунизма. Поляки думают, что они победили, а тем временем в Кремле кто-то, потирая руки, бормочет себе под нос:

Ладно, ладно, детки,

Дайте только срок.

Будет вам и белка,

Будет и свисток.

Русские люди, подавленные коммунизмом, часто, часто с иронией над сво-

СОРОКА ЛЕТИЕ ОТРЕЧЕНИЯ ГОСУДАРЯ

ОТКРЫТОЕ СОБРАНИЕ В ГОРОДЕ МОНРЕАЛЕ (КАНАДА)

Отдел Народно-Монархического Движения в Монреале (Канада) устраивает открытое собрание посвященное 40-летию вынужденного отречения Государя Императора Николая Александровича и нашей национальной катастрофы, начавшейся с горькой памяти февральских дней.

По техническим причинам это собрание будет иметь место 7 апреля в 4 часа дня в помещении Д-Арси Мак-Ги, на Пайн авеню вест, № 220. На нем выступят следующие ораторы: А. Д. Алпатов, А. С. Лебедев из города Квебека и К. Н. Николаев из Нью Йорка. Докладчики остановятся на исторических событиях с февраля по октябрь 1917 года и дадут соответствующую характеристику тем личностям, которые вписали столь темную страницу в историю нашей Родины.

В тот же день и в том же помещении с 3 часов дня откроется выставка, посвященная тем же событиям. На ней будут представлены фотографии и диаграммы, относящиеся к тому же периоду русской истории. Эта выставка, единственная в своем роде, несомненно вызовет особый интерес всех тех, кто интересуется причинами тех горестных событий, которые привели нашу страну к коммунизму, а нас всех в изгнание.

А. А.

ОТКРЫТОЕ СОБРАНИЕ В САН-ФРАНЦИСКО

17 сего марта в г. Сан-Франциско состоялось открытое собрание "Непримиримость к Февралю". На собрании выступили с докладами: П. И. Малков — "Царь и Россия", Е. П. Авраменко — "Два Февраля"; М. К. Данилов — "О Февральской революции"; С. А. Уралов — "Русский вопрос".

им собственным несчастьем, вспоминают этот стишок. При НЭП-е — возрадовались; после НЭП-а — возрыдали. Ошибаются и поляки по поводу своих побед над коммунистическим режимом, а скорее всего ошибаются иностранные наблюдатели, оценивающие польские события, как победу народа, как поражение коммунизма. В Польше мы имеем дело не более, как со стратегическим отступлением коммунистического режима, ибо иначе он отступить не умеет. Мы будем поздравлять поляков с победой не ранее того дня, когда в Польше будет свергнута коммунистическая власть, когда так называемая компартия будет там поставлена вне закона. Словом, насчет Польши — еще посмотрим, а насчет Венгрии мы уже видели.

Мы уже видели, как шло дело, и видим коренную политическую ошибку руководящих деятелей освободительного восстания.

Конечно, соотношение физических сил говорит за себя. Та постановка дела, которую мы считаем правильной, едва ли была бы единственной мерой, способной обеспечить успех освободительного восстания в Венгрии. Но она, во всяком случае, неизмеримо увеличила бы шансы победы и, при известных условиях, создала бы новые комбинации, непременно благоприятные для дела освобождения Венгрии от ига коммунизма.

Мы продолжаем считать, что признание коммунистического правительства за законное, за такое, с которым можно вступать в переговоры, есть коренная ошибка венгерского освободительного восстания октября 1956 г. А она, в свою очередь, в большой степени происходит от непонимания роли русских в интернациональной акции коммунизма, в смешении понятий России и СССР, в представлении о борьбе Востока и Запада и, наконец, в отсутствии сознания, что всякое коммунистическое правительство есть невиданное в истории явление полной дьявольской испорченности. Дай Бог, чтобы ошибки эти были учтены в будущем, чтобы из них были сделаны необходимые выводы, и чтобы скорее пришел случай не повторить их в грядущих событиях.

Н. Кусаков

Н. Потоцкий

ОБЗОР ПЕЧАТИ

В январском номере журнала "Русский Путь" (орган Российского Отечества Союза), в отчете о собраниях этого Союза приводятся совершенно справедливые упреки докладчика А. И. Тульцева по адресу зарубежных монархистов: "А что мы, монархисты, — спрашивает оратор, — предприняли для единства действий против большевиков за тридцать с лишним прошедших лет в эмиграции? До сих пор не смогли организовать одно сильное монархическое движение.... Пора осознать всю гибельность такого разделения и сказать: да будет едино стадо и один пастырь".

Далее мы читаем: "Е. А. Ефимовский, как бы продолжая мысль выступавшего перед ним оратора, поясняет, что разделение всей правой эмиграции произошло лишь потому, что она не осознала сущности своего положения и сошла с прямого пути, пути объединения вокруг законного Престолонаследника, Великого Князя Владимира Кирилловича".

Нельзя не приветствовать откровенных и прямолинейно-монархических высказываний рбонх докладчиков. Но вот по поводу слов г. Ефимовского автор рецензии, — и несомненно с ведома и согласия редактора журнала, который в то же время является и возглавителем Отечества Союза, Г. Н. Колесова, — делает в скобках следующее примечание: "Этот вопрос довольно спорный и едва ли полностью его можно принять, как думает докладчик. Но, несомненно, при желании, пути объединения монархических группировок можно, даже легко, найти". (С. Е.).

Отметим мимоходом, что вопрос объединения всех зарубежных монархических группировок вокруг Великого Князя, являющийся "спорным" для руководителей Отеч. Союза, не является таковым ни для одной из всех других монархических организаций. Так что выходит совсем по Куприну: "Вся рота идет не в ногу, один господин Колесов, то-бишь, подпоручик — в ногу". Конечно, если принять во внимание тот факт, что, по имеющимся у нас сведениям, вышеупомянутый Союз особым многолюдством не отличается, то можно было бы, с точки зрения реализации монархического объединения, мнение его руководителей игнорировать. Однако, наш долг уважать свободное мнение любого монархиста, даже одиночки, а потому мы позволим себе спросить г. Колесова и его единомышленника репортера: а вокруг кого же монархическое объединение получило бы характер **беспорности**? Если бы мы имели дело с непредвзвешенными или с нашими "либералами", мы даже и вопроса об этом не поднимали бы, зная их ответ заранее: вокруг идеи Родины или народного волеизъявления и тому подобных, навязанных в зубах, пустозвонных лозунгов, прикрывающих либо идейную пустоту, либо демократические шпартгалки наших противников. Но нет, в данном случае, как мы видим из того-же номера журнала, мы имеем дело с такими же ненавистными для г. Водовых и Кусковых монархическими "зубрами", как мы сами, с ярыми сторонниками лозунга "Православие, Самодержавие и Народность". Должны ли мы напоминать идеологам Отеч. Союза, что идея Монархии неразрывно связана с идеей **Личности**, являющейся носителем того идеала Божьей Правды, который, был веками неразрывно связан в психологии Русского Народа с идеей Монархии, и при том личности для подлинных монархистов всегда живой.

А потому мы твердо исповедуем: для нас, монархистов, таким Авторитетом, вокруг которого — и только вокруг него — мы можем и должны объединиться, может быть только **живой Носитель нашего Идеала** и тех лозунгов, которые, наравне с нами, исповедует и Отеч. Союз. Это отнюдь не значит, как того повидному опасаются руководители этого Союза, что, в случае такого объединения, этот Носитель должен немедленно принят за черную политическую работу, контролировать и направлять деятельность отдельных группировок, отдавать им приказы и т. п.

И хочется дружески сказать г. Колесову и его политическим друзьям: ос-

тавьте мудрствовать лукаво! Становитесь в общий строй монолитного зарубежного монархического блока, который необходимо создать во что бы то ни стало в первую голову для организации совершенно реальной работы — переброски Иден Монархии и Имени Великого Князя в подсоветские массы, каковая работа, по самому своему существу, будет одновременно и разрушительным действием, направленным на подрыв иден коммунизма и кремлевской власти. И перестаньте игнорировать присутствие в эмиграции единственно (повторяю, для монархистов), бесспорного Авторитета.

В № 378 газеты "За Правду", издающейся в Аргентине, г. Ольгин, идейный подголосок г. Водова, удостоил меня своим особым вниманием, анализируя мою статью "О настоящих традициях и о настоящей свободе". Прежде всего г. Ольгин, как говорится, "заело" то, что я осмелился, в число других основных традиций русского народа "включить момент чисто политический: "величайшую традицию Самодержавия", определив Самодержавную Монархию, как "выражение религиозно-нравственного принципа" (следовательно, уже не "чисто политического"). И дальше г. Ольгин начинает поучать нас тому, что такое Самодержавие, исходя из идейно-убогого и ставшего подлинно реакционным арсенала партийных шпартгалок нашего духовно выдохшегося "либерализма": "Самодержавие, то есть автократическая, неограниченная форма монархии, не является традицией определенного народа, а политическим этапом, который почти все без исключения народы пережили на своем историческом пути".

По этому поводу можно только рекомендовать г. Ольгину прочесть все, что писал И. Л. Солоневич о Самодержавии, чего повидному он прочесть не удосужился, как и те многочисленные статьи по этому вопросу, которые печатались на страницах "Нашей Страны". Он узнал бы тогда, что именно мы понимаем под Самодержавием: что эта форма власти **ограничена** больше и лучше, чем любая конституционная монархия или демократическая республика, ибо власть Русского Самодержавия всегда была ограничена тем, чего в этих формах власти нет, или что в них совершенно извращено, — его **религиозной совестью**, и что так, за немногими исключениями знаменовавшими собою временный упадок монархической идеи, или точнее, ее практического приложения к жизни, и было в русской исторической действительности — в Московской Руси и затем, начиная с Павла Первого.

Что же касается той мысли, что Самодержавие является лишь "этапом" в обязательной эволюции форм правления (по мысли наших "либералов" "закон" этой эволюции таков: наиболее отсталая форма власти — самодержавие, т. е. в их представлении, деспотия, затем более культурная — конституционная монархия, затем еще более передовая — буржуазная республика, и, наконец, самая "модерная" — республика демократическая), то этот убогий и затасканный "идеологический" трафарет наших политических приговоров не выдерживает никакой критики ни в свете исторического анализа эволюции форм правления, ни под углом зрения психологической, исторической и географической индивидуальности каждого народа.

В самом деле: Англия в течение 600 лет от своей ограниченной монархии ни к какой республике переходить не собирается, так же, как Бельгия, Голландия и Скандинавские страны; Испания перешла от конституционной монархии через весьма короткую республику к диктатуре, а эта последняя намеревается вернуться к монархии и, быть может, не совсем "конституционной"; что дал Русскому народу переход от самодержавной монархии к парламентскому копированию Запада и затем к "демократической" республике с ее опереточной труппой петрушек Временного Правительства, г. Ольгину, надеюсь, хорошо известно. Где же тут закономерная и благодетельная для народных интересов смена "этапов"? Можно ли таким благодеянием считать,

напр., для Франции переход от самодержавной монархии к империям и республикам, снова к империям и снова к республикам, в свете событий хотя бы последнего полувека?

Г. Ольгин повидному никогда не задумывался над уже избитым для нас фактом: что для каждого народа, в силу особенностей его психологии, природных условий, истории и экономики, органически свойственной ему форме правления может быть только совершенно определенный ее вид. И на примере нашей Родины мы видим (если только мы добросовестно проанализируем события нашей истории), что уклонения нашего народа от Самодержавия **всегда** приводили его к национальным бедствиям и даже катастрофам. А потому для нас, монархистов, возврат России к Самодержавию будет ее возвратом именно к ее национально-государственной традиции и к той духовной и политической структуре, каковая является для нашего народа нормальной, органической, естественной и единственно способной гарантировать ему максимальное и скорейшее развитие и процветание его духовных сил и материальных ресурсов. И не объяснит ли нам г. Ольгин, почему такие гениальные русские люди, как Пушкин, Гоголь, Достоевский и даже Толстой были сторонниками именно Самодержавной Монархии? Или он может назвать их "отсталыми" людьми, недостойными быть сопричетными к "ордену" российской интеллигенции, как это право отрицал за Пушкиным политический хамелеон Бердяев? Да, конечно, наш великий русский человек едва ли нашел бы общий язык со столь "передовыми" политиками, как г. Ольгин, и с его духовными опекунами в лице Водова и Кусковой!

Через свои розовые очки г. Ольгин не видит и еще одного бесспорного факта, что "самые передовые" формы власти, и "самая передовая" из них, демократическая республика, в свете пережитого и виденного нами за последние годы, соответствуют именно упадку в народных массах религии и нравственности, чудовищному развитию материализма и полнейшему извращению прекрасных на вид лозунгов свободы, равенства, народного волеизъявления и проч. "нетленных ценностей". Так в статье Е. Правдина "Американская действительность" в "Историческом Вестнике" (Август 1899 год, но многое ли там изменилось с тех пор?) мы читаем: "Американские выборы всецело находятся в руках самых низменных, развращенных и уголовных элементов, и сановничество и чиновничество "величайшей демократии на земном шаре" поневоле должны с этим считаться", — как и сейчас, добавим мы, считаются со всякими Аль Капоне.

Г. Ольгин, кажется, очень религиозный человек. Неужели же он не задумывался над тем, что именно Самодержавие и только оно, по своей сути, как власть, ограниченная религиозной совестью монарха, сознающего себя слугой Божьим, может отвечать только высоко развитому уровню религиозно-нравственного чувства данного народа? И неужели ему неясно, что если эта форма власти была выработана нашим народом и бережно поддерживалась им на протяжении долгих веков (причем и в свержении ее народные массы никакого участия не принимали), то это потому, что именно в нашем народе-богоносце было неизмеримо сильнее, чем в "культурных" западных демократиях, развито стремление к Божьей Правде и твердая вера в то, что на страже этой Правды может стоять только Самодержавный Государь. И следовательно именно с **религиозно-нравственной точки зрения Самодержавие является самой передовой формой верховной власти**. И заменена у других народов "граммофонными" монархиями и "демократическими" республиками она была именно в результате непрерывно прогрессирующего в них духовного упадка, развития безбожия или религиозного индифферентизма и нравственного разложения. А потому мы твердо убеждены, что в тот час, когда наш народ призывает к себе Самодержавного Государя, он докажет именно высокий уровень своего религиозно-нравственного и национального самосознания и покажет духовно отсталым народам Запада, как именно надо построить жизнь на основах Учения Христа и социальной справедливости, этим учением осиянной.

Но особенно привели в раж г. Ольгина мои высказывания о "настоящей свободе". Подумайте, господа, какой ужас, какое мракобесие! Восставать; например, против того, чтобы свобода творчества была ограничена запрещением печатать полицейские романы, коммунистические агитки, антирелигиозные трактаты или показывать порнографические (или почти) кинофильмы! Или против того, чтобы, на радость г. Орехову, в возрожденной России оставлена была бы коммунистическая партия! Или против того, чтобы какие-нибудь теософские общества или активные агенты Ватикана уведили наш народ от нашего истинного православия! Или против того, чтобы в области наследования имуществом были бы установлены такие правовые нормы, которые устраняли бы возможность для "золотой молодежи" проматывать на заграничных рулетках состояния, скопленные их трудолюбивыми отцами и фактически являющиеся частью национального капитала, т. е. народного благосостояния! Или необходимость ликвидации всевозможных паразитов литературы, финансов, торговли! Все эти протесты г. Ольгин характеризует, как проявления "тоталитаризма" НМД! В этой области "демократических свобод" мы напомним ему только один факт: что в Императорской России было гораздо больше левых газет, обливавших грязью Царскую власть, чем правых, а после пришествия лучезарной носительницы этих свобод, "великой и бескровной", все правые газеты были закрыты. Так что мы тоже "знаем, куда приводят такие "свободы"!"

Да, не во гнев г. Ольгину будет сказано, именно в интересах духовного здоровья нации из ее жизни должны быть устранены все явления, способные это здоровье отравить и привести ее к новым потрясениям. А решать, что здорово и что вредно, будет именно та Самодержавная Власть, для которой на первом плане стояла всегда именно эта духовная чистота народного духа и поможать которой будут отборные элементы того нового правящего класса, на создание которого мы, по завету И. Л. Солоневича, должны работать уже теперь, класса подлинно национального, т. е. проникнутого глубоким национальным самосознанием, т. е. пониманием духовных и социальных путей народного прогресса и сознанием своего долга вести свой народ не по стопам обанкротившихся западных лжецивилизаций, а по нашим собственным русским историческим путям к идеалу той Божьей Правды, которую наши на родные массы никогда не мыслили в отрыве от ненавистного для г. Ольгина Самодержавия.

В № 1.003 "Русской Мысли" Павел Михалевский, тоже один из наших демократических учителей, внушает нам, бедным неучам-россиянам, одну из наших главных обязанностей и рецепт нашего будущего счастья: "Нам нужно многому еще учиться у свободных народов. Славная своими революционными традициями французская демократия должна быть для нас одним из первых примеров" и т. д.

Доколе же, о, Господи, будем мы отставать этими вечными учениками? Петр Первый учил нас наряжаться "покультурному" в европейские камзолы; затем научили нас носить пиджачки, фрак и смокинги... Научили нас носить парики, буки и косы... Учили нас преклоняться перед Вольтером, Руссо и всякими дидеротами... Потом учились мы у Гегеля, Прудона, Фурье и Маркса... Доучились! Чему же должны мы учиться теперь у свободных народов? Как клясться на Библии и потом выдавать в руки красных палачей героев борьбы против коммунизма? Как заставлять свою королеву жать окровавленные руки палачей нашей Родной Земли? Как сгонять с трона короля, по лучшему в свою пользу самое демократическое большинство голосов своих граждан? Как растеривать свои колонии? Как мотать народные деньги на уплату жалованья депутатам-коммунистам, ставшим миллионерами? Как ежегодно ломать себе голову, чтобы покрыть свой бюджетный дефицит, в то время, как в нашей "неученой" Царской России государственные приходы всегда превышали расходы? Или учиться, как нужно воевать? Помните ли, как в войне 1914 года союзники предложили нашему Государю, чтобы в наше Главное Военное Командование бы

ли допущены иностранные военспецы, — это в то время, когда на Западном фронте шли бои “за домик паромщика”, а мы потрясли австро-германский фронт прорывами на сотни верст и взяли сотен тысяч пленных! Или учиться у некоторых “великих демократий”, как отделять белых от черных и личивать последних? Или как вести сельское хозяйство, когда в некоторых странах плодородные земли с каждым годом обезлюдиваются, а наши мужички вывозили за границу миллиарды пудов зерна? Или как просвещать свой “темный” народ, когда в 1922 г. (без “народной” революции!) у нас не должно было остаться ни одного неграмотного, а в странах “великих демократий” их до сих пор насчитываются миллионы?

Мало же г. Михалевский, у Вас чувства собственного, русского достоинства и настоящего здорового патриотизма и той народной гордости, которой Ваших предков, душа которых принадлежала короне французской, поучал справедливый старик Карамзин! Не пора ли этим свободным странам и у нас, то-есть у нашей “отсталой” Царской России, поучиться чему-нибудь? Вот всему тому, что видел в нашей на родной душе великий провидец Достоевский, и чего не видели Вы, г. Михалевский! Ее подлинно христианской основе и ее подлинной христианской цивилизованности, а не чуждым нашему народу “революционным традициям”. Не довольно ли с нас революций, своих и чужих? А насчет “терпимости к политическим взглядам других”, которой Вы тоже рекомендуете нам учиться у “свободных народов” мы, к сожалению для Вас, держимся “нетерпимых” взглядов в отношении всего, что способно заразить и отравить чистые источники русской народной души. Не раз приводили мы примеры, к чему может привести такая слишком широкая терпимость. Терпимость Керенского к ленинской шайке привела Русь к кровавому Октябрю... Еще раньше чрезмерная терпимость нашего царского правительства ко всем этим “сеятелям”, эс-декам и эс-эрам и к их попутчикам в лице Милюковых, Гучковых и Родзянко, привела нашу Родину к проклятому Февралю... Десятка два виселиц избавили бы нашу Родину от гекатомб народных трупов, от моря страданий и слез женских и детских. Увы, наша “терпимость” привела именно к этому, — ведь мы так стеснялись мнения этих “свободных стран”!

А потому, если Бог даст нам принять участие в постройке Нового Русского Дома, будем уж лучше учиться у самих себя, у всего того хорошего, что создал наш родной народ в горниле своей тысячелетней истории, гораздо более для нас поучительной, чем история “свободных народов”, упершаяся, по признанию Вашего собственного г. Михалевский, учителя, Герцена, в тупик самого пошлого, самого отвратительного мещанства... И Вы поучаете нас, чтобы наш великий, талантливый, самобытный и самоотверженный народ пошел по тем же избитым и чужим для него путям? Какого же Вы о нем низкого мнения, если Вы видите в нем именно этого вечного ученика без национального и культурного роду и племени!

*

В одном из номеров той же “Русской Мысли” (не помню уж, в каком) говорится о том, что в 1917 г., в эпоху Временного Правительства, на Государственном Совещании в Москве ген. Корнилов заявил, что к этому моменту (т. е. к августу) десять тысяч русских офицеров погибли жертвами революционных потрясений, т. е. проще говоря разнузданной солдатни, “взбунтовавшихся рабов”.

Пусть же наши панегиристы “великого Февраля” честно скажут: на ком лежит ответственность за гибель этих верных слуг России и своего долга? Но, отвечая, уж пусть не спекулируют затасканным аргументом о “народной темноте”, взрожденной, якобы, ненавистным для них Самодержавием! Ибо форма правления здесь совершенно не причем. А если в этом трагическом утверждении наши февраллисты будут упорствовать, то я приведу им маленькую, но убийственную для них в этом отношении цитату. В “Историческом Вестнике” за февраль 1899 г., в очерке Е. Правдина “Правосудие в Америке”, этот большой знаток САСШ, давший в этом, слегка либеральном, жур-

Борис Ширяев

ЗАМОЛЧЕННЫЙ ИСТОРИЕЙ

Не будет большою редкостью встретить интеллигентного русского человека, окончившего среднее и даже высшее учебное заведение до революции, то-есть тогда, когда во всех классах гимназии преподавалась отечественная история, который, услышав имя царя Федора II Алексеевича, недоуменно поднимет брови и лишь потом, прикинув что-то в уме, скажет:

— Ах, да, это сын царя Алексея Михайловича, наследовавший ему перед Петром... Болезненный и даже слабоумный... Не оставивший по себе никакого следа... Пустое место на страницах истории...

Этот интеллигент будет в известной степени прав. Короткому царствованию Федора Алексеевича составители утвержденных для средней школы до-революционных учебников уделяли действительно лишь несколько незначительных строк, которые создавали у учащихся впечатление об этом царствовании, как о каком-то прорыве в Российской истории, о пустом месте в ней.

Но так ли это было на самом деле? Наследовавшему престол от своего рано умершего отца царю Федору Алексеевичу было суждено принять Российское государство в очень трудный его период.

Внешняя политика России была осложнена далеко еще не решенной борьбой за освобождение южной и югозападной Руси от длившейся уже почти три века польско-литовской интервенции; общее военное положение ко дню кончины царя Алексея Михайловича складывалось для России далеко не благоприятно: в Польше в это время установился некоторый твердый государственный порядок взамен феодального хаоса, разрывавшего ее при короле Иоанне-Казимире; многочисленные конференции русских и польских дипломатов безуспешно искали решения вопроса и бывали принуждены пользоваться компромиссами временных перемирий; кроме того, в борьбу вступила новая мощная сила в лице привлеченной Польшей Оттоманской Империи и эта сила действовала против России; сама южная Русь пребывала в состоянии полного политического хаоса, то распадаясь на сферы влияния отдельных гетманов, то временно объединяясь, под давлением со стороны какой-либо из борющихся сил; военная же активность самого Русского царства была заторможена его внутренними противоречиями, главнейшими из которых были: достигший кульминации своего напряжения раскол в русской Церкви и тесно связанная с ним борьба боярских партий в самом Кремле.

нале ряд очерков об этой стране, пишет черным по белому:

“Население “величайшей демократии на земном шаре” стоит на самом низком нравственном уровне и являет собою образчик невероятной разнузданности, потрясающего зверства и неопишемого одичания”. Пусть же скажут наши поклонники “демократии”, возьмут ли они на свою душу грех плюнуть в лицо своего собственного народа и сказать, что эти слова можно было бы сказать в ту же эпоху и по адресу нашего народа? Я думаю, что до такого уровня национального самооплевания они — по крайней мере, наиболее честные из них — все-таки не дойдут. Пусть признают, что за эти годы — 1899-1917 — народное просвещение в России развивалось гигантскими шагами. На ком же остается кровь этих десяти тысяч русских офицеров?

И неужели они, февраллисты, приведут нам другое жалкое их оправдание: ах, мы не предвидели, что власть очутится в таких слабых и неопытных руках! Обязаны были предвидеть! Обязаны были создать готовые кадры для своего “либерального” и “бескровного” руководства народными массами! А без всего этого стремиться к тому, чтобы в момент величайшего напряжения всех народных сил вырвать из его души основу его политического мировоззрения, идею Монархии, было преступлением — и проливать свои кроводолы слезы по адресу этих мучеников и героев своего долга “Русской Мысли” совсем не к лицу — уж лучше помалкивала бы!

Н. Потоцкий

Эта обычная для русской боярской аристократии борьба была осложнена также и чисто династическими интимными отношениями в составе самой лившейся своего главы царской семьи. Шесть царевен, сестер Федора Алексеевича, рожденных от брака с Милославской, ожесточенно ненавидели свою мачеху, Наталью Кирилловну Нарышкину, мать царевича Петра, на стороне которой находился личный друг и руководитель московской политики последних лет царствования Алексея Михайловича боярин Артамон Сергеевич Матвеев, против которого стояла мощная партия старого боярства, потомков удельных княжат, имевшая в своих рядах влиятельные роды Милославских, Долгоруких, Куракиных, Стрешневых и других.

Столь сложная ситуация как во внешних политических отношениях государства, так и внутри его правящего слоя не могла быть, конечно, разрешена и ликвидирована принявшим скипетр одиннадцатилетним мальчиком, к тому же действительно не обладавшим крепким здоровьем, большим каким-то неизлечимым недугом ног (по всей вероятности водянкой), но вместе с тем далеко не слабоумным и слабохарактерным, каким его старались представить наши либеральные историки.

Рассмотрим лишь дошедшие до нас сухие и скупо изложенные акты этого царствования, а предварительно и самую личность царя Федора. Назвать его слабоумным полная нелепость. Он по лучил очень хорошее по тому времени образование и воспитание под руководством учившегося как в Киевской академии, так и в западно-европейских коллегиях Симеона Полоцкого, знавшего несколько древних и новых языков, публициста, писателя и даже не очень-то талантливого, но добросовестного поэта, вложившего свой камень в фундамент русского стихосложения. По точным сведениям, сам царь Федор знал польский язык и латынь, возможно, что имел некоторые знания французского языка, которым владела его старшая сестра София. Сохранены также составленный в его царствование проект первого русского высшего учебного заведения, осуществлению чего помешали внутренние неурядицы, но следует отметить то, что в программе этого высшего учебного заведения стояли не только обязательные по тому времени духовные дисциплины, но и точные науки: математика, физика и другие, следовательно, о какой-то “враждебности” московской монархии к достижениям западно-европейской техники говорить в этом случае не приходится.

Скудную по дошедшим до нас сведениям характеристику этого юноши-монарха необходимо дополнить также его несомненным большим внутренним тактом, так как, несмотря на молодость, ему к концу его недолгого царствования, все же удалось привести к некоторому примирению политические страсти в боярстве и духовные в среде церковных иерархов: сосланный в начале царствования Матвеев был возвращен, а гонения на группу приверженцев низложенного патриарха Никона и на самого его были ослаблены.

Рассматривая внутриполитические акты этого царствования, следует прежде всего отметить начатое всеобщее государственное размежевание и тесно связанное с ним урегулирование податной системы. Целый ряд местных налогов был упразднен; упразднены были и винные откупа, а вместе с ними и внутренние таможенные сборы. Эти реформы были проведены в созвучии с развитием местного самоуправления. Торговля винном была передана выборным населением целовальникам и “верным головам” из среды торгово-промышленного сословия. Одновременно с мероприятиями финансово-экономического порядка были проведены и реформы судопроизводства. Уголовные дела, разбивавшиеся до того времени в нескольких разобщенных между собою приказах, были сосредоточены в одном лишь Разбойном приказе. Были начаты дополнения к Уложению и были составлены ряд новых, соответствовавших требованиям времени его статей. Для облегчения и упорядочения церковной администрации был утвержден совместно с Собором ряд новых епископий: в

Севске, Холмогорах, Устюге, Енисейске и других отдаленных от Московского центра областях.

В январе 1682 года уже вышедшим из отроческого возраста царем Феодором был созван чрезвычайно интересный по своей организации Собор военно-служивших людей всякого звания, то-есть не только занимавших высшие командные должности, но и низовых, “территориальных”, как мы сказали бы теперь, офицеров. На обсуждение этого Собора был поставлен целый ряд вопросов “устроения и управления ратного дела” и в самом указе о созыве такого Собора значилось, что его члены должны будут обратить особое внимание на “новые в ратных делах вымыслы”, то-есть разработать новую, отвечающую требованиям века, систему организации армии и рассмотреть ряд связанных с нею военно-технических вопросов. Идея, осуществленная в царствование Петра I, была не только предвосхищена его старшим единокровным братом, но к осуществлению ее были им привлечены широкие круги военных специалистов всех рангов, что тоже заслуживает очень большого внимания. Этот Собор военных специалистов не только рассмотрел и дал свои заключения по предложенным ему военно-техническим вопросам, но вышел даже далеко за рамки чисто военного дела, решительно поставив вопрос об уничтожении реакционного по тому времени феодального пережитка — местничества, тормозившего, а временами даже полностью парализовавшего, как прогрессивную деятельность Московских монархов, так и выдвижение новых жизненных сил общества. Вопрос этот был поставлен настолько решительно, что консервативная группа родовитого боярства, грудью стоявшая за эту охранявшую их и ограничивавшую самодержавную власть аристократическую конституцию, была побеждена. Разрядные книги, писанная феодально-аристократическая конституция, были полностью уничтожены. Это важнейшее государственное мероприятие открыло путь к управлению царством новым людям, новым силам, укрепив одновременно власть монарха и ограничив дальнейшее развитие государственной жизни отшедших с Запада (из Польши) феодальных тенденций, приверженцами которых были консервативные круги русской боярской аристократии.

Таким, вкратце след, оставленный в русской истории общепризнанным “пустым местом” — немногими годами царствования болезненного юноши царя Федора II Алексеевича. Перечисленных здесь прогрессивных мероприятий, пожалуй, более чем достаточно для заполнения этого “пустого места”. Но вместе с тем историк должен быть далеким от стремления сусально идеализировать личность этого царя-отрока, приписывать ей те качества, которых у нее не могло быть. Безусловно, нельзя предполагать, а тем более утверждать сильную волю у неопытного, болезненного юноши, умершего до наступления его совершеннолетия, а принявшего державную власть еще ребенком. Историк может предположить в нем ясный ум и глубокий внутренний такт — свойства, унаследованные им от отца и усиленные хорошим воспитанием, может утверждать его личную доброту и гуманность, выраженную в отношениях к павшим Матвееву, патриарху Никону, а также и в упреждении некоторых, особо жестоких форм казней и судопроизводства, но не может приписать ему ведущего значения в государственной жизни времени его царствования. Действовавшие в нем прогрессивные факторы следует искать в ином, в установившемся к этому времени твердом самодержавно-монархическом порядке и прогрессивной направленности этого порядка. Выражаясь прямолинейно, упрощенно, а возможно даже грубо, можно сказать:

По кончине царя Алексея Михайловича утвержденный им самодержавный государственный порядок продолжал действовать даже без непосредственного участия в нем самой физической личности самодержца. Эту физическую личность успешно заменял ее символ, воплощенный в лице болезненного мальчика государственный принцип. А поскольку этот принцип отвечал духу и требованиям того времени, сама одухотворенная им человеческая личность Венценовца успешно выполняла функции своего царственного служения нации.

Борис Ширяев

А. Арсеньев

Герой нашего безвременья

Я встретился, а потом и познакомился с ним, в патриархальных нравах станции на берегу Терека, где мы с моим другом нашли радужный приют от бушующей кругом вьюги большевизма; шел бурный 1918 год. С собой он был невзрачен: лет 45-50, небольшого роста, сутуловатый; лицо — тоже заурядное: круглые большие очки на мясистом, немного крючковатом носу, небрежно подстриженные густые усы, полузакрытые вавшие рот. Наружностью он смахивал на пожилого мастерового; в толпе он не обратил бы на себя внимания вероятно, это и было его целью: кругом кипел большевизм и стать незаметным было в то время мечтою многих. При беседе в нем чувствовались большая начитанность, наблюдательность ума и знание человеческой души. Политика, религия, философия его не интересовали и оставляли безучастным: он был человек практики — делец; с этой точки зрения он и подходил ко всем явлениям жизни. Неукротимая жажда деятельности, предприимчивость и настойчивость дали бы ему несомненно крупное положение в благоприятных условиях, тем более, что он был и честолюбив, и самоуверен, и склонен к “дерзости”; но 1918 год заставил его надеть маску насмешливого скептика и спокойного наблюдателя развешивающихся событий; по образованию и специальности он был инженер-путеец.

Как-то раз, кажется, в апреле, мы сидели у него в камнатушке; чай был допит, о всяких слухах и вестях было уже переговорено и тем для дальнейшего разговора не находилось. Время это было тревожное, но радостно тревожное: в станицах и в граничащей с ними Кабарде назревало несомненное недовольство большевиками и поговаривали о восстании. Алаев — так назову я “героя безвременья” — так же, как и мы прислушивался к этим заглушенным раскатам грома, но относился к ним по-своему.

— В интересное время мы живем. — отрывисто проговорил он, шагая по комнате из угла в угол и отравляя воздух ядовитым табачком, который он курил из до-черна обгорелой трубки. Его, видимо, занимала какая-то навязчивая мысль.

— Я вам не рассказывал, как я управлял Владикавказской железной дорогой? — вдруг обратился он к нам: — Нет? Послушайте; занятно!

Он пыхнул раза два трубкой и снова принялся шагать.

— Революция застала меня при Штабе Кавказского фронта. Как только докатились до нас слухи о перевороте, я сразу подумал: тут большие дела можно делать! Написал сейчас же письмо во Владикавказ своим приятелям. Пишу: вызывайте меня телеграммой, экстренно, по революционной надобности, от имени Освободительного Комитета. Прошло три-четыре дня, получаю телеграмму: “Ваше немедленное присутствие необходимо. Выезжайте. Освободительный Комитет” и подпись. Я — телеграмму в карман и к своему начальству. Начальство, как вам известно, сразу тогда потеряло почву под ногами, особенно наше — инженерное. Пришел. Вид — независимый: теперь ведь — свобода! Фронт прислушивается к тылу — к народной власти на местах! Молча протягиваю телеграмму. Начальство прочитало и смущенно спрашивает: “Что же вам угодно?” — “Странный вопрос!” — говорю: — “ясно, что: удостоверение, что я, как представитель восставшего народа, еду во Владикавказ из Штаба Армии для устройства новой, свободной жизни! Вы же — говорю — прочли телеграмму Комитета?!” Молчим. “Может быть”, — говорю, — “для вас комитет революционный и значения не имеет? Так вы так и скажите: я другой путь найду!” Подтверждало. Великое это слово стало: Комитет, да еще и революционный! Забеспокоилось начальство, засеменило: — “Да нет! Ну как-же! Сейчас! Я прикажу!”

Через полчаса у меня уже было, мной же самим продиктованное удостоверение с печатью и надлежащими подписями. И я — в поезд. Приехал во Владикавказ. Всюду — красные флаги, красные банты, неразбериха. Кто стоял у власти — сидит в тюрьме; кто си-

дел в тюрьме — стоит у власти. Повиделся с приятелями и — прямо ко всем местным властям: “Ну — что у вас тут? Как? Я прислан фронтом: надо скорей порядок налаживать! Фронт ждать не может!” — и предъявляю удостоверение.

Впечатление колоссальнейшее! Помилуйте — ведь посылает фронт! Прежде всего посыпались жалобы на железную дорогу: перегружена, нет подвижного состава, не хватает паровозов, перебои в снабжении... — “Что ж, — говорю, — вы раздумываете? Почему Правление дороги мер не принимает? Саботаж, или контрреволюцию устраивает?!”

Как вы знаете — Владикавказская дорога еще не была выкуплена в казну и являлась частной собственностью акционерной компании под контролем Министерства Путей Сообщения. Взялись мы за Правление. Члены Правления и сам председатель — в отчаянии, ничего не могут поделать. Сами знают, как тогда революционная стихия разыгралась! Друг на друга полномочия перекладывают, виновников разрухи ищут. Бедлам! — “Что же, — говорю им, — вы сидите сложа руки! В такое время! Вы же ведь знаете, что несете ответственность перед народом и революцией?!” Почему не обратились к Министерству?!! “Говорят: “Обращались уже, и не раз; ничего добиться не можем!” — “Надо лично с самим Министром переговорить, — говорю им, — надо в Петроград председателю лично поехать! Если он не может, или не хочет — дайте мне полномочие: я поеду и добьюсь! Я — старый путеец, знаю, что говорю!”

Меня поддержали представители власти и Осетинского Комитета. А председатель и рад, да и члены тоже: даем полномочия! Только действуйте!! И вот — покатил я в Питер. Прежде всего, за казал себе визитные карточки с упоминанием на них всех своих полномочий. Затем, являюсь к Министру. Народу — тьма! Все по записи, по порядку — ждут целыми днями! На мне — черная рубашка с широким кожаным поясом, смазные сапоги, путевская фуражка и значок инженерский с красным бантом; сразу видно — человек с мест, из гущи народа! И по одежде, и по манере держаться — эс-эр, революционный деятель, да, пожалуй, — кто его там знает, — еще и из крупных! Вручаю чиновнику карточку и говорю решительно: — “Вне очереди! Дело, не терпящее промедления. Вопрос о снабжении Кавказской Армии и фронта!” Исчез чиновник. Через минуту-две присутствую в кабинете к Министру. Вхожу. Лицо у меня — каменное, вид — высокомерный. Министр, товарищ Бубликов, встречает любезно и предупредительно. А я на него — ноль внимания! Бросил на стол все свои полномочия и, не ожидая приглашения, развалился на кресле. Говорю: “Я к вам, товарищ, приехал не просить и не убеждать. Я приехал — требовать! Что вы, шутки шутить думаете? Что вы за министр, коли не обращаете внимания на то, что у вас на дорогах творится?!” — и все ему тут выложил: “Пишут вам раз, пишут вам два, а вы — и ухом не ведете?!” Целый Кавказ, да что Кавказ: целый Российский фронт от вашей небрежности страдает!” — и пошел, и пошел; в пот даже его вогнало, говорить не даю: “Я представляю собой власть на местах, революционный народ, общественность, фронт, и т. д., и т. д. — Мы, — говорю, — свергли царский бюрократизм, а у вас — новый бюрократизм нарождается!”

Понимаете, ведь все эти новые власти перед “народным мнением” трепещут! На задних лапках перед ним готовы итти! Ведь: “Мы и народ, народ и мы — едины!” И вдруг — от народа-то — оплеуха! Да разнос за небрежность! Есть от чего заерзать! Остановился я дух перевести. Товарищ Бубликов — ко мне: “Верно, товарищ, все верно! Но вы же понимаете... такое время... такая разруха... нужны экстренные меры! Я сейчас, что вам нужно — прикажу...”

Вижу — дело в шляпе, но вид сохраняю суровый. “Нам, товарищ, не приказания ваши нужны; приказания мы и сами давать можем! А — действия!

Де-й-стви-я!!! — Понимаете?! Довольно мы при старом режиме с бюрократизмом и волокитой мучились! Вы — революцию под угрозу ставите!!” Совсем взорвел мой Бубликов. “Вы, товарищ, когда назад думаете?” — “Сегодня же, немедленно! Дело не терпит!” — отвечаю. — “Через два часа... через — час, я пришлю вам все нужные приказы... распоряжения и предписания. Действуйте по своему усмотрению, в связи с обстановкой!” Я его небрежно одобрил: “Ну, вот это — так, говорю — только знаете, товарищ, вы — покороче: распоряжения-то и предписания — оставьте, а просто — поручите действовать судя по обстановке! Оно — лучше будет: на месте — все виднее!” Согласился. Помягчал я, даже сам ему руку подал. “Вот, говорю, кабы все у нас такие, как вы — живые люди были кого бы мы не одолели?!” Надо же человека и ободрить, и поощрить! Повернулся итти и — снова к нему: “Да! Слушайте, товарищ, прикажите-ка дать мне служебный вагон: поезда — битком набиты; я даже и не спал эти двое суток”. “Конечно, конечно!” И тотчас же за телефон. “Ну — доброго здоровья!” — говорю, и — в дверь.

Вечером был мне приготовлен служебный салон-вагон и покатил я на Кавказ. Персона! По распоряжению своего министра!! Из Ростова дал телеграмму: “Еду с полномочиями. Встречайте”.

На Владикавказском перроне — в полном составе: все Правление с председателем и все “власти на местах”. Я в форменном сюртуке с крахмальным воротничком, значек нацепил и даже перчатки надел. Позадержался немного в вагоне, чтобы дать всем почувствовать значительность. Наконец, медленно спускаюсь со ступенек своего министерского вагона — проводник под локоть поддерживает. Все ко мне наперебой: “Ну что?! Ну как?!” Я поздоровался не спеша; кому руку пожал, а кому и просто кивнул. “Все, — говорю, — устроено. Сам Министр Путей Сообщения Временного Правительства Российской Республики поручил мне действовать в зависимости от обстоятельств. Попрошу вас всех собраться завтра к 10 часам в помещении Правления. Я поделюсь с вами своими планами”. И — точка. Сел на возничка и к себе — в гостиницу. Какне еще могут быть разговоры с уполномоченным самого Министра Революционного Правительства?!

Видите ли: важно схватить психологию массы: везде — и вверху, и внизу и посередине — полная растерянность, головокружение. Никто в точности не знает своих прав. Помните — у Гоголя, в “Мертвых Душах”, рассуждение растерявшегося чиновничества: “Должны ли мы его арестовать, или он сам нас всех может арестовать?!” Власть — побавляется “народа”, “народ” побавляется власти; и друг-другу мило улыбаются. Кто сие постиг — многое может!

И вот, таким образом, оказался я во главе Правления Дороги. Но работать пришлось недолго: на сцену вышел большевизм. Одно лишь хорошее дело успел сделать: перед приходом большевиков во Владикавказ собрал я на заседание Правление и, указав на повсеместную практику их — отобрание ценностей — предложил реализовать до их появления запас золота в слитках, хранившийся в сейфе Правления. Предложение мое было принято.

Алаев замочил и принялся прочищать докуренную трубку. Мы также молчали, подавленные “психологией” его рассказа. Постояв немного в раздумьи он подошел к находившейся на полу около двери корзине, отпер ключем висевший на ней замок и, засунув в глубь ее руку, извлек нечто веское, завернутое в газетную бумагу.

Вот — поглядите! — Внутри оказался слиток золота, величиной в полладони и толщиной в палец.

— Это стоило 2.000 рублей, — произнес он. Мы вполне оценили все его доверие к нам; спросить — были ли в корзине еще такие же свертки, мы постеснялись. Раскурился снова трубку, он сунул обратно в корзину слиток, тщательно запер замок и опять заходил по комнате, задумчиво посясывая чубук.

— Что бы теперь предпринять? — задал он вопрос: Не пора ли нам занять восстановленному монархии в России? — он искоса глянул на нас.

Это было произнесено, конечно, неспроста.

Политическая Хроника

У “РЕФОРМИСТОВ”

Нам пишут из Мюнхена:

Организационный Комитет Конгресса за Свободу и Права в России издал сообщение, в котором сказано, что, вследствие отказа шведского правительства предоставить Конгрессу возможность собраться в Стокгольме, Конгресс состоится 25-27 апреля с. г. в Гааге.

Согласно тому-же сообщению, главным докладчиком Конгресса, по вопросу о положении в России, будет, вместо отказавшегося от этого доклада и, повидному, выбывшего из состава Организационного Комитета Н. Е. Андреева, бывший председатель Координационного Центра проф. И. А. Курганов.

ПРИВЛЕКАЙТЕ НОВЫХ ПОДПИСЧИКОВ НА ГАЗЕТУ “НАША СТРАНА”

Наконец вспыхнуло восстание. В одном из боев, ведя в атаку свою сотню, с честью погиб мой друг. Алаева я потерял из вида, но слышал про него: во время восстания он оказался во Владикавказе, освобожденном от большевиков; повстанцы, занявшие город, оказались в тяжелом положении из-за отсутствия денег — нечем было платить населению за довольствие и фураж: эс-эровское Казачье-Крестьянское Правительство, сидевшее в Моздоке, денег не присылало. Предприимчивость Алаева проявилась и тут: по собственной инициативе и за свой собственный риск он изготавил сам клische и отпечатал на 200.000 рублей денежные знаки, “обеспеченные всем достоянием территории Терской Казачье-Крестьянской Республики”; на этот раз он действовал уже без всяких полномочий, но буквально спас от распыления силы повстанцев. Знаки эти впоследствии не были признаны ни Каз.-Крестьян. Правительством, ни сменившей его Добр. Армией, а сам Алаев подлежал преданию суду за незаконное действие. Смерть от руки большевиков избавила его от этого суда.

Да не посуетет на меня читатель за то, что я эпоху “нетленных ценностей Февраля” окрестил “безвременьем”; но, как иначе назвать ту пору, когда наш 160-миллионный народ, всегда выделявший из своей среды столько талантливых и великих людей, не нашел в себе ни единого человека, обладавшего государственной мудростью и волей, или хотя бы — просто здравым смыслом?! Как объяснить, что жадной толпе политических авантюристов, захвативших власть, не только не удалось построить что-либо, а хотя бы сберечь действительные ценности, созданные напряженным упорством лучших людей Монархической России?! Невольно приходится заключить: или наш народ потерял свою даровитость — это, конечно — абсурд; или — что он, народные массы, совершенно не стремились свергать Царя и не мечтали о революции, как до сих пор упрямо твердят ее поклонники и почитатели; а просто приняли ее, как уже совершившийся факт, как беду, и вывели из него свои собственные заключения: раз Царя не стало — каждый сам себе царь, и отсюда — и массовое дезертирство с фронта, и стремление поскорей как-то устроить свою личную жизнь — пока не поздно. С утрадой Царя, в народе утратилось и чувство государственности; осталось лишь низменное чувство животного эгоизма.

“Герой нашего безвременья” — бесстрастный наблюдатель и свидетель этого явления; рассказ его, слышанный мною от него лично и переданный мною почти дословно, не выдумка и не бахвальство. Не выдумка, потому, что достоверность фактов подтвердили мне впоследствии общие знакомые; не бахвальство — потому, что он передавал его лишь как “занятую” картинку, и только. Будучи сам личностью, конечно, незаурядной, он тонко чувствовал весь комизм положения новых “властителей”, которые, свергнув Царя, самонадеянно ухватились за кормило правления и оказались не в силах с ним справиться. Человек умный и практический — он верно оценил и события, и людей.

А. Арсеньев

REBELION EN POZNAN

(Continuación)

El edificio de la UB se alza en el ángulo formado por las calles de Kochanowski y Krasinski. Antes de atacarlo, los reeldes erigieron una barricada de troncos y ramas y tranvías volcados. Por lo visto los olacos tenían en la memoria la jornada del 17 de junio de 1953 en la Alemania Oriental, porque en las calles citadas en otras varias yatraevsaron tranvías yamontonaron automóviles para ataar los tanques.

El ataque contra el edificio de la UB emezó a pedradas p ycon "cocteles Molotov" (botellas llenas de gasolina) y la policia contestó con ráagas de usilametralladora.

El ataque no pudo prosperar, y entonces sobrevino el primero de una serie de acontecimientos que han hecho de la huelga de Poznan símbolo de esperanza frente al negro horizonte del Este Rojo. Otro testigo presencial inglés, Robert Davies, economista de la Universidad de Cambridge, refiere así lo sucedido: "Alrededor de las 12.30, dos camiones llenos de tropas de infantería y dos tanques T 34 rodaron calle adelante. Los manifestantes no huyeron de ellos ni los desafiaron. Por el contrario, aplaudieron a la tropa y parecieron confiar en que tendrían a los soldados de su parte".

Los soldados bajaron de los camiones; pero no se trajeron consigo sus fusiles ni ametralladoras. Inmediatamente, los manifestantes subieron a los vehículos, se apoderaron de las armas, saltaron por encima de las barricadas y se unieron a los atacantes del cuartel de la UB.

(Continuará)

РОЗЫСКИ

Объявления о розысках родных и знакомых принимаются непосредственно редакцией "Нашей Страны" и ее представителями на местах. Стоимость объявления, помещенного в трех последовательных номерах, 2 дол. в валюте соответствующей страны. Для Аргентины — из расчета 1 дол. равен 20 песо арг.

Мария Ивановна Цеклинская разыскивает Всеволода Константиновича Христо-Феодорато из Одессы. Сведения о нем просят направлять по адресу:

I. Tseklinskaya. Poste Restante. Asuncion. Paraguay.

Сестры разыскивают Александру Владимировну Волкову Шарову с сыном Мстиславом Васильевичем Волковым из Владивостока. В 1936 году они проживали в СССР, в гор. Тула, на Пионерской ул. Сведения просят направлять по адресу редакции газеты "Наша Страна".

С. А. Александрова разыскивает брата, полковника Николая Андреевича Степанова, окончившего Первый Кадетский Корпус и Константиновское Артиллерийское Училище в 1911 или 1912 г. г. в Петербурге, а также знакомых: братьев Кудрявцевых, Авенира, Андрея и Ивана Ивановичей из г. Черкассы Киевской губ. Знающих что либо о судьбе этих лиц, убедительно просят сообщить по адресу:

Mrs. S. Alexandrov, 511 West 39-th St., Apt. 12, New York 31, N. Y., USA.

ФОНД ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ

В "Фонд Великого Князя Владимира Кирилловича" поступили следующие суммы:

Н. Потоцкий переслано непосредственно в Фонд Великого Князя 5 ам. дол., полученные им от Ф. Е. Лымши.

Указанный в предыдущем списке взносов в Фонд Великого Князя взнос Очага НМД в Бродорде в сумме 7 английских фунтов состоит из следующих поступлений: от Е. Ефременко — 1 ф., от Г. Карпенко — 1 ф., от А. Демскис — 1 ф., от Г. Хочумова — 1 ф., от Д. М. Сажинной — 1 ф., от С. Г. Сажинна — 1 ф., от И. Лаврова — 1 ф.

Взносы в "Фонд Великого Князя Владимира Кирилловича" принимаются редакцией "Нашей Страны" и всеми ее представителями на местах.

QUIDQUID ID EST, TIMEO DANAOS ET DONA FERENTES

Читаешь газеты наши эмигрантские и диву даешься, до чего наша русская эмиграция легковерна!

Все пишут о больших переменах в СССР и из этого делают выводы, не такие, какие диктует логика и история, а такие, какие наиболее приятны для авторов: что перемены во внутренней политике у Советов обязательно поведут к краху власти, что все происходящее в СССР и в сателлитах — это "начало конца"...

Возьмем наугад несколько газет. "Часовой" в одном из последних номеров пишет, что "люди становятся смелее" и что "советская власть потерпела полное поражение". Что "перемены, происходящие в России (не в СССР, а в России без кавычек!) дают основания предполагать, что в России (опять!) есть люди готовые на решительные действия". Что "маски с московских владык сброшены" и т. д.

"Русская Мысль" тоже чаемое принимая за сущее, ожидает близкого конца большевизма и повторяет слова лондонского "Обсервера", которые представляют собой "верх наивности", о том, что Центральный Комитет румынской К. П. отменил ряд постановлений "которые на деле ясля улу чш и ть жизненные условия населения в течение последних 10 лет"...

"Н. Р. Слово" пишет, что сдвиги в СССР велики, что Гомулке приходится лавировать, до того враждебно у населения Польши отношение к Москве.

Особенно же радужные выводы из совершающегося за железным занавесом делает "Посев", который (вот уж который год!) чуть ли не празднует вот вот наступающий конец большевизма, для борьбы с которым у НТС существуют такие радикальные средства, как пускание воздушных шаров с прокламациями и поездки лидеров (на какие деньги?) то в САСШ, то даже на Формозу! "Мир потрясен магической силой слова "свобода", "Коллективное руководство мечется и блефует", пишет "Посев".

И все пишущие о неизбежном конце большевизма забывают, что для очередного выхода из затруднительного положения большевики уже не в первый раз прибегают к разным трюкам. И, что коммунизм не раз уже спасался подобным образом, допустив НЭП, введя погони и ордена, и, как сейчас, для вида отменив Коминформ и снизив значение НКВД, допустив некоторую свободу раскулачений. Все это сделано для втирания очков доверчивым демократам. А там, где интересы СССР то го требуют, ни на шаг большевики не отступают, например, в Венгрии, где прибегают к любым мерам, чтобы обезличить народ, и все-таки настоять на своем! Десятки и сотни тысяч сосланных и убитых это тоже доказательство конца большевизма!

Ожидание перемен в СССР, идущих от власти, — наивность, если не сказать больше. Маленькие не грозные большевизму уступки для того, чтобы обвести вокруг пальца доверчивый Запад, — это своеобразный камуфляж, за которым кроется звериный лик неизменяющегося ни в чем коммунизма, с которым надо бороться не платоническими пожеланиями и нотами, а стукнув кулаком по столу, по-крыловски, как с волками только "сняв шкуру с них долой"!

Другого языка они и не понимают. А джентльменское обращение расценивают, как глупость и слабость!

P.

СОБРАНИЕ В БУЭНОС-АЙРЕСЕ

17 сего марта в Буэнос-Айресе состоялось собрание, посвященное 40-й годовщине Российской национальной катастрофы — вынужденного отречения от престола Государя Императора Николая Александровича.

Подробный отчет об этом собрании будет дан в следующем номере "Нашей Страны".

ФОНД ИЗДАТЕЛЬСТВА ИМЕНИ ИВАНА ЛУКЬЯНОВИЧА СОЛОНЕВИЧА

В "Фонд издательства имени Ивана Лукьяновича Солоневича" поступили следующие суммы:

от А. Рябушина — 1.25 дол., от М. Марамбеевой — 3 дол., от А. Козловой — 3 дол.

ВНИМАНИЮ РОССИЙСКОЙ ЭМИГРАЦИИ!

Союз Российских Антикommунистов в Аргентине в воскресенье, 7 апреля с. г., в зале на улице Монтевидео № 850, устраивает

внеочередную конференцию с участием местной и иностранной общественности и печати.

Начало в 17 часов.

Вход свободный.

Правление Союза
Российских Антикommунистов

Продолжается подписка на
ЕЖЕНЕДЕЛЬНУЮ ГАЗЕТУ

НАША СТРАНА

основанную И. Л. Солоневичем
под редакцией Вс. Дубровского

ЦЕНА ОТДЕЛЬНОГО НОМЕРА

Аргентина — 3 песо; САСШ — 30 ам. цент.; Канада — 30 кан. ц.; Бразилия — 6 круз.; Венецуэла — 1 бол.; Уругвай — 40 ур. цент.; Парагвай — 8 гуар.; Чили — 25 чил. песо; Англия — 1 ш. 3 пенса; Франция — 60 фр. фр.; Бельгия — 10 белг. фр.; Швейцария — 1 шв. франк; Германия — 75 пф.; Иран — 10 риал; Австралия — 1 ш. 6 пенс. австр.; Марокко — 60 фр.; Италия — 150 лир; Голландия — 0.65 гульдена; Швеция — 1 шв. кр.

С ДОСТАВКОЙ ПО ВОЗДУШНОЙ ПОЧТЕ

В САСШ и Канаде — 35 цент.; в Бразилии 8 круз.; в Венецуэле — 1.25 бол.; в Парагвае — 10 гуар.; в Чили — 50 чил. песо; во Франции — 100 фр. фр.; в Германии — 1 нем. марка; в Голландии — 1 гульден.

В розничной продаже и при подписке — цена номера одинакова. Подписную плату настоятельно просим вносить не менее чем за десять номеров вперед.

ПОДПИСКА

принимается Редакцией "Нашей Страны" и ее представителями на определенное количество порядковых номеров, или на срок на 6 или на 12 месяцев (подписная плата в этом случае равна соответственно стоимости 25-ти или 50-ти номеров)

КНИГА-ПОЧТОЙ

Самый большой выбор старых и новых книг. Высылка книг в провинцию и другие страны. Продажа книг по вторн., четв. и субботам от 18 до 21 час. Телефон 758-0045 (звонить только в указанное время!). Пересылка книг за счет заказчика. Требуется каталоги. Заказы и письма адресовать Miguel Tamarzeff, Casilla de Correo No. 4. Villa Ballester. F.C.N.G.B.M. Argentina.

1. История русского масонства. Том 1. — 45 п. (3 долл.)
2. История русского масонства. Том 2. — 45 п. (3 долл.)

Отдельные издания напечатанных в 1 и 2 т.т. "Истории русского масонства" материалов:

1. Иванов. Тайны масонства — 16 песо (0.75 долл.)
2. Б. Башилов. Тишайший царь и его время. — 15 п. (1 долл.)
3. Б. Башилов. Робеспьер на троне (Революция совершенная Петром 1 и ее исторические результаты) — 30 п. (2 дол.)

Разведение гусей. — 20 п.
Амстронг. — Пром. птицеводство в САСШ. — 35 п.

Разведение высоко продуктивных пород кур. — 18 п.
Проф. Редькин. — Свиноводство 46 песо.

И много других книг классиков, для детей и по технике.

ПОСТУПИЛО

НА ИЗДАНИЕ ИСТОРИИ РОССИИ
от В. Д. — 20 песо.

НАША СТРАНА

ОРГАН МОНАРХИЧЕСКОЙ МЫСЛИ
NUESTRO PAIS

Organo Monárquico Ruso

Casilla de Correo 2847
Buenos Aires
Argentina

ПРЕДСТАВИТЕЛИ AMERICA DEL SUR:

Brasil: Leo Rubanov, Caixa postal 8408
Correio Central, Sao Paulo.

Chile: Sr. Nicolás Rogaley, Allende Padin 2128 (por Beaucheff altura 1706).
Santiago de Chile.

Venezuela: Sr. K. Kellner, Av. Sarria 24,
Quinta Coromoto (Club Ruso), Caracas.

Paraguay: Sr. A. F. Lapchinsky, M.P.
O. C. Dirección General de Vialidad,
Alberdi esq. Gral. Díaz. Asunción.
U. S. A.

Mrs. M. S. Kingstone, 11 Wolfe ave.
San Rafael, Calif. USA.

Mr. A. Klushkin, 196 — 6-th Ave, Apt. B.
San Francisco 18, Calif.

Mr. M. Maltzeff, 1332 Lucille Ave, Los
Angeles 26, Calif.

The Russian National Book Store, 327 E
14-th St. New York 3. N. Y.

Allies Book Shop, 3456, Broadway, New
York 31, N. Y.

CANADA

Mr. B. A. Romanovsky, 12036-90 Str.
Edmonton, Alta.

Mr. A. Kostyria, 6 Argyle St., Toronto 8,
Ont.

Mr. André Alpatoff, 12337 Rue Diodé
Cartierville (Montreal) P. Q.

"Derby Universal Book Agency", P.O.B.
No. 27, Station "B". Phone Jackson—
2-3927. Hamilton, Ontario

EUROPE

Belgique: Librairie et Bibliotheque Slave
— 13, Rue de Roumanie, Bruxelles
France: Mr. A. Krivocheieff, "Kama"
27, rue de Villiers, Neuilly s/Seine,
Seine.

Germany: Frau J. Seuberlich, Wolfsburg
Postfach 63.

Italia: Sr. Prof. B. Sciriaeov, Cas. postale
102, San Remo.

Grèce: Mr. Filatoff, Rue Dedalou 26,
Athènes.

Norge: Mr. F. Dymsha, Möller gt.
42/III. Oslo. Norge

Holland: G. A. Kolf, Amsterdamche
Weg 96, Arnhem.

AUSTRALIA

Mr. Parker, 28 Queen Bess Str. Buranda.
Brisbane, Q-d.

Mr. P. Ostashkevich, 7 Whinham Str.,
Fitzroy, Adelaide.

Polyglot Book Depot, Post Office
Carrum, Melbourne, Vic.

Mr. M. M. Spassovskiy, 8, Richmond Str.,
South Wentworthville, N.S.W.

ASIE

Iran: Leon Popoff, 273, Ave. Ferdowsi,
Teheran.

В БУЭНОС-АЙРЕСЕ
газета "НАША СТРАНА" и все КНИГИ
Издательства "НАША СТРАНА"

продаются:

в Книжном магазине Бр. Лашкевич,
ул. Леандро Алем 1140;

в Кноске В. С. Вербицкого при Храме
Воскресения Христова (Вижа Пуэйрредон);

в Кноске Б. Н. Ряснянского при церкви
на Облгададо 2130;

у газетчика на углу ул. Леандро Алем
и Внамонте;

на Вижа Бажестер у ниж. Василькино
ти, при церкви на Ав. Альвар.

у г. М. Тмарцева — "Колонизадора"
— ул. Сан Мартин 344.

Вышла из печати

и поступила в продажу
новая книга
Ген.-Штаба Полк. Богданович
"АРАКЧЕЕВ"

Цена 1.50 ам. дол.

Склад издания
B. Riasnianski, Obligado 2130,
Buenos Aires, Argentina

ПОДПИСЫВАЙТЕСЬ НА ГАЗЕТУ

"НАША СТРАНА"